

Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ.

По поводу брошюры проф. Н. Сумцова „Къ библиографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній“. Харьковъ 1896 г. (Изъ VIII тома Харьковскаго Сборника Историко-филологическаго Общества за 1895 г.), стр. 8.

Подъ именемъ „религіознаго сказанія“ проф. Сумцовъ понимаетъ не всякое произведеніе народнаго эпоса, говорящее о чемъ нибудь религіозномъ (каковы, напр., апокрифы), а только легенды, и исключительно имъ посвящаетъ онъ свою брошюру. Легенды, и въ частности наши малорусскія легенды—дѣйствительно заслуживаютъ особаго вниманія. Если мы возьмемъ апокрифы, то, вѣроятно, даже безъ спеціальнаго изслѣдованія¹⁾, просто съ перваго взгляда почувствуешь, что это произведенія не родныя, а чужія, заносныя. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наши религіозныя легенды. Въ нихъ все дышетъ чѣмъ-

¹⁾ Я прибавилъ слово „вѣроятно“, такъ какъ, кажется, только при нынѣшнихъ успѣхахъ фольклора въ плоть и кровь каждаго успѣла проникнуть безсознательная увѣренность, что апокрифы ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться національнымъ изобрѣтеніемъ нашего народа. Какихъ-нибудь лѣтъ сорокъ тому назадъ такая увѣренность могла кое-кому (можетъ быть, даже многимъ) казаться очень странной: напримѣръ, извѣстный малорусскій писатель Степанъ Руданскій, этнографическія записи котораго (отъ 1854—1856 г.) недавно издали полностью (см. „Творы Степана Руданського, томъ другій, Львѣвъ 1896), совершенно искренно былъ убѣжденъ, что существующія въ Малороссіи сказанія объ Адамѣ, потопѣ, птицѣ-носорожцѣ и проч. ни откуда не заимствованы и принадлежать чистѣйшей украинской „утворѣ“ (т. е. фантазіи, или творчеству); онъ даже находилъ возможнымъ высказывать догадку, что Божья казнь постигла гордую птицу-носорожца (во время потопа) нигдѣ, какъ въ Подольской губерніи, неподалеку отъ Голендрѣ.

то такимъ близкимъ, такимъ хорошо знакомымъ, такимъ роднымъ! Тутъ и мѣстности указываются наши украинскія, тутъ и имена— все имена нашихъ славныхъ историческихъ дѣятелей, тутъ черты быта выступаютъ ярко малорусскія, тутъ даже въ образѣ мыслей такъ и чувствуется вездѣ все родное, національное: мы вполне согласны съ проф. Сумцовымъ, когда онъ утверждаетъ, что малорусскія легенды имѣютъ „своеобразный характеръ произведеній близкихъ, какъ бы издавна знакомыхъ и почему-то привлекательныхъ“ (стр. 1).— „Это нѣчто привлекательное“, продолжаетъ проф. Сумцовъ, „кроется въ теплой вѣрѣ людей старыхъ поколѣній, въ душевномъ ихъ мирѣ и сердечной ихъ простотѣ“. Не только въ этомъ, а больше всего въ національномъ духѣ, которымъ для насъ пропитаны легенды: этотъ духъ роднитъ насъ, скептиковъ-интеллигентовъ, и съ нашими наивными предками и съ нынѣшнимъ простымъ народомъ....

Таково впечатлѣніе. Однако впечатлѣніе обманываетъ: кто познакомился съ международной странствующей словесностью, тому, конечно, давно ужъ бросался въ глаза фактъ, что многія малорусскія якобы „широ“-національныя легенды принадлежатъ къ разряду странствующихъ повѣстей. Самъ собою возникаетъ вопросъ: „стало быть, эти столь родныя намъ легенды—произведенія не самостоятельныя, не наши?“ Отвѣтить: „да, не наши“—едва ли будетъ правильно, потому что нашъ народъ совершенно вѣдь переработалъ чужіе сюжеты. Прослѣдить процессъ этой переработки—чрезвычайно интересно: не только установится критерій для сужденій о томъ, что же собственно мы смѣемъ назвать нашимъ роднымъ, безусловно національнымъ этическимъ достояніемъ,—но уяснить также и самое понятіе о томъ, что такое народное творчество. Это будетъ въ высшей степени поучительная для насъ вещь—прослѣдить, какимъ образомъ чужое сказаніе успѣло проникнуть къ намъ, распространиться въ народѣ, приурочиться къ извѣстной мѣстности и націонализироваться во всѣхъ подробностяхъ¹⁾.

¹⁾ Есть еще одна отрасль нашей народной словесности, которая настоятельно требуетъ подобныхъ же изслѣдованій, но какъ-то мало затрогивается учеными: я говорю о малорусскихъ произведеніяхъ юмористическаго характера. Нашъ народъ

Поле для изслѣдованій—обширѣйшее. По выраженію англійскаго поэта, оно

Exceeding rich, and long, and wide,
And sprinkled with a sweet variety
Of all, that pleasant is to the ear or eye

Но сдѣлано на немъ чрезвычайно мало, почти ничего. До недавняго времени можно было извлечь пользу развѣ изъ статьи Н. П. въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1877 г., далѣе изъ очень важныхъ „Очерковъ южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“ проф. Н. Ѳ. Сумцова („Кіев. Стар.“ 1887)¹⁾ и еще изъ нѣкоторыхъ его замѣтокъ и статей. Въ виду такой скудости, очень важное значеніе пріобрѣтаетъ недавно вышедшая систематическая брошюра того же уважаемаго автора, проф. Сумцова, заглавіе которой мы выписали сверху и которая имѣетъ специальную цѣль—пролить извѣстный свѣтъ на сущность малорусской религіозной легенды.

Сразу ничто не дѣлается. Нужны подготовительныя работы. Почтенный авторъ покамѣстъ рѣшилъ порыться въ старинныхъ малорусскихъ сочиненіяхъ XVI—XVII в. и выбрать разбросанныя по нимъ тѣ легенды, которыя связаны съ малорусскими историческими лицами и событіями. Какъ видно изъ цитатъ, онъ взялъ на себя трудъ пересмотрѣть Пересторогу, Денисовича, Кальнофойскаго, Петра Могилу, Галятовскаго, сдѣлалъ (если имѣлся матеріаль) сопоставленія съ соотвѣтственными произведеніями современной малорусской народной словесности и (опять таки, если имѣлся матеріаль) подобралъ также параллели изъ

считается юмористомъ по преимуществу, малорусскій юморъ вошелъ въ пословицу, а между тѣмъ даже тѣ бѣглыя изслѣдованія, которыя мимоходомъ касались нашихъ анекдотовъ, фаблю и бытовыхъ сказокъ, давно ужъ успѣли намекнуть, что эти произведенія малорусскаго народнаго творчества не оригинальны. Нельзя отрицать, что обработка ихъ оригинальна, но въ чемъ же собственно заключается эта оригинальность? погызалъ ли намъ кто-нибудь, въ чемъ она состоитъ?—Никто. И я думаю, что диссертация на тему: „Черты и рдїеніи малорусскаго юмора“—давно ужъ стоитъ на очереди. Скорѣе всего мы смѣемъ ждать такой диссертации отъ проф. Сумцова, который обыкновенно является пионеромъ въ различныхъ областяхъ нашей этнографіи и проливаетъ свѣтъ въ нетронутыя ея закоулки.

¹⁾ При случаѣ поправляемъ описку г. Сумцова, который въ свой смѣлѣ (стр. 3) относитъ свое изслѣдованіе къ 1888-му, а не къ 1887-му году.

письменной и устной словесности другихъ народовъ. Такимъ образомъ изслѣдователь коснулся семнадцати сюжетовъ: 1) Странствованіе церкви или иконы изъ одного мѣста въ другое; 2) Сверхъестественное огражденіе малоруссовъ во время татарскаго нашествія; 3) Кара Божья, постигающая татаръ за порчу иконы; 4) Построеніе монастырей и церквей на мѣстахъ побѣды надъ врагами; 5) Сверхъестественное покровительство малоруссамъ въ борьбѣ съ турками и поляками; 6) Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загор[ов]скаго въ епископы; 7) Случай при постриженіи въ монашество Ипатія Потѣя; 8) Оскорбленіе церкви или иконы иновѣрцами или безбожниками (собственно это тотъ же сюжетъ, что и въ № 3); 9) Самовозгараніе церковныхъ свѣчей; 10) Погребеніе въ церкви грѣшнаго человѣка; 11) Оскорбленіе духовныхъ лицъ и наказаніе обидчиковъ; 12) Разрѣшеніе проклятаго самозванца; 13) Малорусскія иконы кисти св. евангелиста Луки; 14) Плачущія иконы; 15) Измѣненіе цвѣта лика пр. Богородицы на иконахъ 16) Отяжелѣніе иконы, которую желаютъ увести еретики (срв. № 1) и 17) Животныя (лошади и волы) чувствуютъ близость чудотворныхъ иконъ.

Въ виду новизны и трудности задачи, неудивительно, что въ статьѣ почтеннаго ученаго можно указать нѣкоторые пропуски.

Считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько, быть можетъ, полезныхъ дополненій по памятникамъ XVI—XVII вѣка. Такъ, замѣтимъ, что, извлекая чудеса, сообщенныя въ „Пересторогѣ“, (изд. въ „Актахъ, относ. къ исторіи Запад. Россіи“, т. IV), проф. Сумцовъ забываетъ взять изъ той же „Перестороги“, указаніе на одно такое чудо, которое наиболѣе было извѣстно на Украинѣ, въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го вѣка, а именно: когда на Берестейскомъ соборѣ 1596-го года Михаилъ Рогоза, Потій, Терлецкій и другіе отступники „зъ бискупами римскими згуду свою (т. е. унію) учинили“ и вздумали сообща служить обѣдню, то „Богъ отринулъ ихъ офѣру“, и вино въ чашахъ уніатскихъ владыкъ превратилось въ воду, такъ что пришлось для окончанія литургіи налить другого вина въ другую чашу

(см. „Акты, отн. къ ист. З. Росс.“ IV, 214). Авторъ „Перестороги, который не мало черпалъ изъ посланій Іоанна Вышенскаго, записалъ эту легенду; вѣроятно же всего, подъ вліяніемъ „Писанія ко утекшимъ отъ православної вѣры епископомъ“ (изд. въ „Актахъ Ю. и З. Россіи“, т. II, стр. 245—251, новое изданіе проф. Сырку въ „Оправданіяхъ“ къ III тому „Исторіи Аѳона“ преосв. Порфирія Успенскаго, стр. 1014 и слѣд.), хотя, конечно, онъ зналъ эту легенду и раньше, безъ Вышенскаго. А Вышенскій поднялъ вопросъ объ этомъ чудѣ съ цѣлью опровергнуть возраженія Петра Скарги, который свою „Оборону Берестейскаго рускаго собору“ (Вильно 1597) заключаетъ словами: „Puszczają (православные) y podmiatają kartelusze o cudach w Brześciu: iż się przy mszy wino w wodę odmieniło gdy jeden tam iezuита w cerkwi ś. Mikołaja służył“. Potwarzy się tey nie wstydzą. Żaden tam jeszcze iezuита, ani kapłan Rzymski mszey nie miał; a jeśli się Grekowi, który w ten czas służył, to trafiło, iż w kielich miasto вина z omyłki wody nalał,—cuda żadnego nie masz: trafia się to y u pilnych y nabożnych. To cud, iż ludzie rozumni y chrześcijańscy tak sprosne kłamstwo mówią, abo wierzyć śmieją (см. „Русск. Ист. Библ.“, т. VII, стр. 1000—1001) ¹⁾.

Въ дополненіе къ сказаніямъ „о странствованіи церкви или иконы“ (№ 1) можно напомнить объ иконѣ Лѣсенской. Въ концѣ XVII в. въ православномъ селѣ Буковичахъ на Подляси пастухи нашли въ лѣсной чащѣ на вѣтвяхъ групи икону Богородицы, написанную на темнокрасномъ камнѣ. Икона была признана за чудотворную, была поставлена въ сельской церкви и творила чудеса. Однако, по рассказамъ католиковъ, православный храмъ оказался недостойнымъ для такой святыни, и потому

¹⁾ Въ своей рецензій на „Івана Вишенскаго“ доктора Ив. Франка („Кіев. Стар.“ 1895, окт., стр. 24) я доказывалъ, что Вишенскій пользовался книгой Скарги не въ польскомъ, а въ русскомъ изданіи; поэтому я допускаю нѣкоторую неточность, цитируя Скарку по-польски, а не по-русски. Русское изданіе (перепечатка) должно войти въ новый томъ „Русск. Ист. Библ.“, который въ настоящую минуту, быть можетъ, уже и вышелъ въ свѣтъ и доступенъ для пользованія публикѣ; но для меня въ той дебри, гдѣ я нахожусь, онъ еще совершенно не доступенъ.

черезъ три года ангелы Господни перенесли ее ночью передъ разсвѣтомъ изъ Буквичей въ Лѣсно, въ новоотстроенный храмъ-костель; это видѣли три мѣстныхъ жителя. Лѣсенскій ксендзъ сталъ записывать чудеса въ особую книгу, и за одно время его настоятельства ихъ оказалось пятьсотъ. Въ протоколѣ 24 ноября 1700-го года икона даже официально была признана за чудотворную. Въ настоящее время она принадлежитъ православнымъ (подробная исторія сообщена въ брошюрѣ Холмскаго Богородицкаго братства: „Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси“ В. Т. М-ча. Варш. 1883 г. Рецензія въ „Кіев. стар.“ 1883, сент.—окт., стр. 294—297).—Къ этому же циклу сказаній относится современная полтавская легенда о царскихъ вратахъ, скрывшихся на днѣ колодца вблизи села Хорошекъ кобелякскаго уѣзда („Зоря“ 1895, стр. 356: „Чудодійна криниця“, г. Коваленка. Въ статьѣ этой, замѣтимъ вкратцѣ, есть новыя свѣдѣнія о нѣсколькихъ чудотворныхъ колодцахъ, но наиболѣе обстоятельный разсказъ, т. е. о криницѣ Лубенской, совсѣмъ не новъ, —см. старую статью А. Лоначевскаго во П т. „Записокъ Юго-Зап. отдѣла за 1873-й годъ“, стр. 130—134 и статью Ор. Левицкаго въ „Кіев. старинѣ“ 1883, № 9—10, стр. 301—309).—У Ст. Руданскаго есть литературная обработка Подольской легенды о церкви, которая скрылась отъ черта подъ землю и выходитъ на свѣтъ только „на Велькдень до зори“ („Творы“, т. П. Львовъ 1896, стр. 50—51; тоже въ „Зори“ 1895, стр. 347.)

Сюжетъ № 12 у г. Сумцова—„Разрѣшеніе проклятаго самозванца“: тѣло самозванца не могло разложиться, пока проклятія не снялъ Петръ Могила. Въ старинныхъ памятникахъ проф. Сумцовъ этой легенды не нашель и приводитъ ее по новѣйшему разсказу Думитрашка: „Заклятый“ (въ Истор. Вѣстн.“ 1880, сент., 46). Я тоже не вспоминаю, чтобы въ старинной нашей литературѣ былъ записанъ такой случай, приуроченный къ имени Петра Могила, но вспоминаю аналогичныя, въ „Палинодіи“ Захаріи Копыстенскаго (1621-го года). „Блаженной памяти патріархъ Антиохійскій Іоакимъ, подѣ часъ бытности своей въ коронѣ Полскої року 1579 во Львовѣ, отлучилъ былъ отъ

церкве священника именемъ Григоріа, прозвискомъ Горбачевскаго, за нѣкоторыя эксцессы, а меновите: же учинивши первѣй обѣтъ Богу и чернцемъ оставши, присягу зламалъ, оженился и священникомъ zostалъ. Той, року 1589, въ лѣтъ по томъ отлученю и завязаню десять, въ Львовѣ умеръ и погребенъ былъ на цментару церкве брацкой, Успенія Пречистой Дѣвы Богородици, въ мѣстѣ. Въ лѣто по томъ погребѣ его тр (етье), то есть року 1591, подъ часъ разбирая той церкви, гды были фундаменты на заложеніе теперь поднесенной церкви копаны, откопана была съ припадку и тая яма, въ оторой той священникъ лежалъ. Зъ которого вгды ся дощка верхняя зъ труны зсунула, обачено было тѣло надутое якъ мѣхъ, твердое якъ камень, очернѣлое якъ уголь (на полѣ прибавлено: „Бойся, каждый гвалтовнику, поприсягнуеной обѣтницы живота иноческаго!“). Людъ посполитый, духовный и свѣцкій, которыи о той на немъ палой екскоммуникаціи албо отлученю отъ церкве вѣдали, зъ политованьемъ велце съ тому дивовали. И мусѣлъ быти таковой же закопанъ, ажъ братнимъ политованьемъ порушоний мужъ подобный, книжный, именемъ Сімеонъ Горбачевскій, працы ся поднялъ, до Константинополя шолъ и блаженной памяти отцу Іереміи, на тотъ часъ патріарсѣ Константинополскому, о томъ ознаимиль, отъ которого одержалъ листъ разрѣшалный. И кгды по первомъ откопаню немалъ въ лѣтъ полтора засъ былъ откопанъ и таковой же найденъ,—листъ той разрѣшалный надъ нимъ былъ прочитанъ ¹⁾, и заразъ въ колко дній тѣло надутое опало и въ порахъ ся обернуло“ („Русск. Истор. Библ.“, т. IV, стр. 470—471). Тотъ же Захарія Колыстенскій самъ приводитъ параллельныя греческія сказанія о томъ, какъ „отъ патріарховъ нашихъ христіанскихъ звязаны тѣла згнати не могутъ, але ся одымають, твердѣють, чорнѣють и такъ, якъ мѣхъ надутый, лежать поты, ажъ будутъ отъ тыхъ же владзою, имъ отъ Бога данною, розвязаны“, послѣ чего, конечно, „въ порошокъ ся обертаяють“ („Русск. Ист. Библ.“, IV, 471—475); ссылки у

¹⁾ Здѣсь я вмѣняю пунктуацію издателей, такъ-какъ ставить точку послѣ „найденъ“ и начинать словомъ „Листъ“ новую фразу—едва ли возможно.

Копыстенскаго дѣлаются на „Турко-Грецію“, Мартина Крузія „зъ Ѳедосія Зигомалы.“ Вообще надо замѣтить, что въ „Палинодіи“ сообщено всякихъ чудесъ немало, но въ большинствѣ случаевъ они относятся не къ Малороссіи, а къ Греціи. Таковъ, напр., рассказъ объ обвалѣ церкви въ Аеонской лаврѣ именно въ ту минуту, когда на литургіи былъ помянутъ папа Римскій („Р. Ист. Б.“ IV, 1020)¹⁾; рассказъ этотъ одинаково подходилъ бы къ Сумцовскому циклу № 3 и къ циклу № 8.

Сказаніе № 6 („Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загор(ов)скаго въ епископы“) взято проф. Сумцовымъ изъ „Пересотроги“ (которую, замѣтимъ въ скобкахъ, онъ неправильно относитъ къ 1600—1605 годамъ). При посвященіи этого будущаго уніата „Богъ чудо показалъ, же при звоненію къ службѣ Божей порвалъ его духъ нечистый и кинулъ, и такъ ницъ лежалъ безъ памяти черезъ всю божественную службу“ („Акты Зап. Росс.“, IV, №149). Я добавляю, что дальнѣйшую стадію развитія этой легенды мы видимъ во „Ѳриносѣ“ Мелетія Смотрицкаго (Вильно 1610), именно въ томъ интересномъ мѣстѣ, гдѣ Мелетій влагаетъ въ уста Восточной Церкви обращеніе къ Потѣю и выставляетъ на видъ чудесныя наказанія Божьи, постигшія cadaго изъ уніатскихъ владыкъ (стр. 75—76). По Мелетіевымъ словамъ, Германа (въ мѣрѣ—Григорка) Загоровскаго, этого „mało nie przednieyszego tey waszey uneiy forytarza, sprawidliwym sądem Pańskim ieszcze za żywota zły duch *czestokroć* y przy samym nabożeństwa przezeń odprawowaniu z niezmiernym wszystkich tam będących ludzi postrachem po cerkwi *tam y sam srodze-straszliwie rzucal* y zaczętey przezeń liturgiey aż y do samey śmierci skończyć *nigdy* nie dopuścić“. Какъ видимъ изъ подчеркнутыхъ мною мѣстъ, fama crescit eundo.—Здѣсь же я считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе: по вопросу о времени написанія „Пересотроги“. Проф. Сумцовъ (слѣдуя, значить, мнѣнію А. Н. Попова) относитъ ее къ 1600—1605 гг. а галичанинъ А. Петрушевичъ считаетъ авторомъ „Перестороги“ Михаила Гунашевича, который родился не раньше 1610-го года,

¹⁾ Этотъ же рассказъ есть и у Вышенскаго въ его „Цисяніи къ утешимъ отъ православной вѣры епископомъ“.

а въ 1647-мъ году былъ посвященъ въ иподіаконы во Львовѣ (Авт. Петрушевичъ: „Сводная гал.-р. лѣт. 1600—1700 г.“, Львовъ 1874, стр. 7). Петрушевичъ опирается только на очень шаткія данныя палеографическія, и приведенная нами цитата изъ Өриноса, думаемъ, ясно свидѣтельствуеетъ, что „Пересторога“ писалась раньше Өриноса, т. е. раньше 1610-го года¹⁾; если мы сверхъ того обратимъ вниманіе, что авторъ, говоря много о князѣ Острожскомъ, нигдѣ не называетъ его мертвымъ, то получимъ извѣстное основаніе думать, что „Пересторога“ составлена раньше 1608-го года. Но считать для нея возможнымъ временемъ написанія даже промежутокъ между 1600-мъ и 1605-мъ годомъ—раньше нельзя: авторъ ссылается на униатское изданіе „Посольство Мисаила къ папѣ Сиксту IV“, а оно напечатано въ 1605-мъ году. Слѣдовательно, „Пересторога“ составлена между 1605-мъ и 1608-мъ годомъ.

Чтобы закончить замѣтку, сдѣлаемъ еще одно дополненіе не частнаго, а общаго характера. Д-ръ Иванъ Франко въ своей прекрасной диссертациі о Вышенскомъ²⁾ разсыпаетъ множество подобныхъ замѣчаній историческаго и историко-литературнаго характера. Между прочимъ, коснувшись сообщенной у Вышенскаго легенды объ Аѳопскомъ чудѣ временъ Михаила Палеолога, д-ръ Франко выставилъ нѣкоторыя соображенія, которыя я

¹⁾ Существуетъ указаніе (Вишневскаго: „Hist. liter. polsk.“. Крак. 1840 — 1857, т. VIII, стр. 293), что впервые Өриносъ былъ изданъ не въ 1610-мъ, а въ 1596-мъ году. Голубевъ („Библиографич. замѣчанія“, К. 1876, стр. 4.) считаетъ указаніе Вишневскаго не несомнѣннымъ. Но если первое изданіе Өриноса и существуетъ, то въ немъ во всякомъ случаѣ нѣтъ тѣхъ посмертныхъ подробностей о Загоровскомъ, какія есть въ изданіи 1610-го года, потому-что въ 1596-мъ году тотъ былъ живъ.

²⁾ Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Кіевской Старинѣ“ за 1895-й годъ я посвятилъ диссертациі моего уважаемаго друга особую статью, въ которой доказывалъ, что многія изъ его гипотезъ не могутъ быть окончательно приняты. За эту статью я получилъ достаточно укорозъ (между прочимъ отъ очень авторитетныхъ лицъ): я-де выставилъ на видъ только недостатки работы д-ра Франка, а не упомянулъ о ея солидныхъ достоинствахъ. Упреки эти основаны на чистомъ недоразумѣніи: статья моя вызвана была желаніемъ указать д-ру Франку тѣ пункты, на которые ему полезно будетъ обратить вниманіе при второмъ изданіи своей книги (а второе изданіе обѣщано было самимъ авторомъ), и я раза три повторилъ въ статьѣ, что она не должна быть принимаема за разборъ цѣлой диссертациі.

считаю не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ (въ переводѣ съ малорусскаго), какъ бібліографическое дополненіе къ статьѣ проф. Сумцова. „Эта легенда, равно какъ и упреки Вышенскаго, направленные къ владыкамъ за то, что они не вѣрятъ чудесамъ въ родѣ Берестейскаго и Аѳонскаго, интересны для насъ, какъ одно изъ проявленій довольно новаго у насъ и сильнаго направленія, которое начинаетъ заявлять себя въ нашей литературѣ въ концѣ XVI вѣка, а въ XVII вѣкѣ доходитъ до вершины своего развитія. Я здѣсь имѣю въ виду эпидемическую наклонность къ чудесному, которую замѣчаемъ у насъ въ XVII вѣкѣ во всѣхъ слояхъ общества, безразлично—у духовныхъ ли или свѣтскихъ, у простыхъ или по-тогдашнему высокообразованныхъ (Евлашевскій¹⁾), Петръ Могила, Галатовскій, Барановичъ и друг.). Конечно, вѣра въ чудеса существовала у насъ и прежде, начиная отъ времени введенія христіанства, и была неразрывно связана съ самой религіей. У нашихъ писателей и лѣтописцевъ встрѣчаемъ много записей о чудесныхъ случаяхъ, вѣщихъ снахъ, пророчествахъ, знаменіяхъ и т. п. Но у нихъ чудесное является спорадически и, очевидно, не играетъ важной роли среди общества, въ которомъ и для котораго пишутъ тѣ авторы; можно думать даже, что тѣ чудесные случаи были не разъ скорѣе только выраженіемъ особенной точки зрѣнія набожныхъ авторовъ-монаховъ, чѣмъ предметомъ живой вѣры всего общества. Но въ концѣ 16-го вѣка наступаетъ значительная перемѣна. По инициативѣ общества западно-европейскаго, особенно же нѣмецкаго и польскаго, овладѣваетъ понемногу и нашимъ южнорусскимъ обществомъ какой-то духъ мистическій, какая-то общая наклонность вѣрить въ чудеса и видѣть чудеса, какая-то потребность въ чудесномъ на каждомъ шагу. Припомнимъ только, какую большую роль играли чудеса, явленія чертей и ангеловъ въ жизни Лютера, Мюнцера и анабаптистовъ. Пробужденное реформаці-

¹⁾ Чранко, конечно, имѣетъ въ виду его дневникъ 1564—1604 г., изданный В. Б. Антоновичемъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1886, янв. Дневникъ этотъ (авторъ былъ даже кальвинистъ) свидѣтельствуетъ даже о смѣльѣйшемъ развитіи вѣры въ чудесное въ XVI вѣкѣ; для исторіи религіозныхъ сказаній онъ матеріаловъ еще не заключаетъ.

онной проповѣдью въ массахъ народныхъ чувство доходило до экстаза, до видѣній и до вѣщунства. Чудеса перестали быть привилегіей избранныхъ и святыхъ: теперь едва ли не каждый могъ видѣть, а то и творить ихъ. Этому общему настроенію соотвѣтствовала и литература. Тысячи рукописныхъ и печатныхъ свитковъ и листковъ распространяли вѣсть о новомъ чудѣ, рассказывали прозой и стихами о явленіи святого во снѣ, о появленіи иконы, о чудесномъ исцѣленіи больныхъ. Массами стекался народъ въ такія мѣста. Со временемъ стали собирать такіе листки, записки и преданія, потянулся длинный рядъ т. н. *Mirakelbücher*, начатки которыхъ въ Германіи восходятъ еще къ среднимъ вѣкамъ, но на которыя у насъ пришла мода собственно ужъ въ XVII столѣтіи. Вышенскій былъ однимъ изъ первыхъ, почувствовавшихъ эту струю ¹⁾. Въ введеніи къ повѣсти о нападеніи латинянъ на Аѳонъ онъ съ удареніемъ подчеркиваетъ потребность вѣрить въ чудеса,—не только въ тѣ, прежнія, сообщенныя въ священномъ писаніи и въ житіяхъ, но и въ новыя, современныя, въ которыхъ точно также проявляетъ себя сила и правда Божья. Да и самъ онъ въ первомъ ²⁾ своемъ произведеніи является однимъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ повѣствователей о такихъ современныхъ чудесахъ, сообщая объ обрѣтеніи тѣла Варлаама Охридскаго... Послѣ того грамотная наша публика почти два столѣтія удовлетворялась чтеніемъ своихъ собственныхъ *Mirakelbuch*'овъ въ родѣ „Тератургеми“ Кальнофойскаго, „Неба нового“ Галятовскаго, „Огородка“ Радивиловскаго, „Перла многоцѣннаго“ Транквилліона, „Phoenix“ а Суши, (1685), а то и громаднаго сборника чудесъ, изданнаго съ 1672 году въ Мюнхенѣ іезуитомъ Гумпенбергомъ подъ заглавіемъ: „Atlas Magianus“, куда вошли также многочисленныя описанія чудесныхъ иконъ литоворусскихъ (*Stebelski: Dwa wielkie światła, I, XXXII*). Въ 17-мъ вѣкѣ чудеса появляются на

¹⁾ Преувеличено. Евлашевскій жилъ нѣсколько раньше Вышенскаго, а у него крайняя вѣра въ чудесное господствуетъ во всей силѣ.

²⁾ Авторъ считаетъ „Новину“ первымъ произведеніемъ Вышенскаго. Согласиться съ этимъ невозможно, и я на это ужъ указывалъ въ своей статьѣ. Самое авторство Вышенскаго по отношенію къ „Новинѣ“ подлежитъ сомнѣнію.

нашей Украинѣ цѣлыми кучами (у Франка: „чередамы“) одновременно съ каждымъ ббльшимъ общественнымъ бѣдствіемъ, пропитываютъ собою всю духовную атмосферу нашего народа, порождаютъ множество мѣстъ „видпустовыхъ“, около которыхъ нагромождается множество повѣстей, повѣрій, преданій, суевѣрій, а затѣмъ и пѣсенъ книжнаго или полукнижнаго склада, изъ которыхъ значительная часть впоследствии собирается въ базилианскомъ „Богогласникѣ“, чтобы отчасти сохранить свое значеніе и понинѣ“. (Ив. Фванко: „Иванъ Вышенський“, Львѣвъ 1895, стр. 227 и сл.).

Съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ проф. Сумцова обстоятельнаго изслѣдованія по затронутому имъ предмету и будемъ очень довольны, если и наша замѣтка окажетъ ему хоть маленькую услугу въ его разборѣ.

А. Крымскій.

